

СТАРОСТЬ ИЛИ «ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ»? ДИСКУРСЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ИНДИВИДАМИ СОБСТВЕННЫХ ВОЗРАСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Ольга Максимова

Ольга Максимова, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Адрес для переписки: КФУ, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия. olga_max@list.ru.

Выражаю благодарность выпускнице кафедры общей и этнической социологии Казанского федерального университета, моей дипломнице Ильсеяр Ризвановой за предоставленные материалы нескольких интервью и за ценные идеи, родившиеся в ходе обсуждения темы статьи.

Понятие «старение» имеет довольно противоречивые трактовки в научной литературе. Наиболее разработанными являются биологический (геронтологический), хронологический и социологический подходы. В социальных науках феномен старения обладает сложной структурой: его невозможно изучать вне общественных, культурных и исторических факторов, имеющих место в том или ином социуме.

Опираясь на концепцию социального конструирования старения, мы полагаем, что для того чтобы анализировать старение и старость – не столько как социально конструируемые феномены, сколько как индивидуальные стратегии и практики, – необходимо попытаться выяснить, как сами индивиды объясняют свой возраст и действия, связанные с ним, как аргументируют субъективный дискурс старения и восприятия возрастных изменений. Основным методом сбора информации в соответствии с методологической рамкой стали нарративные интервью с информантами в возрасте от 63 до 83 лет.

Как показали результаты исследования, у индивидов, по возрастным критериям относимых к группе «старых», проявляется амбивалентное отношение к процессу старения с точки зрения самоидентификации. Оценивая этот период своей жизни, информанты ассоциируют его с мудростью, опытом, возможностью самореализации, в том числе в тех сферах, где раньше они не могли себя проявить в силу загруженности профессиональными и семейными обязанностями.

Пожилой возраст характеризуется информантами в первую очередь как возраст, когда настает время для осмысления своей жизни, подведения ее итогов, а количество прожитых лет воспринимается скорее как данность, которая имеет лишь формальное значение, но не влияет напрямую на внутренние самоощущения. Продолжающие трудовую деятельность информанты чаще оценивают ее как возможность оставаться нужным, востребованным, отодвигая на второй план (хотя и немаловаж-

ные) финансовые мотивы. Основными жизненными ценностями пожилых людей, как показало исследование, являются чувство самоудовлетворенности, семья, здоровье, наличие друзей и различного рода активность (трудовая, общественная или внутрисемейная), позволяющая ощущать себя нужными.

Ключевые слова: старость; старение; пожилой возраст; социальное конструирование старения; дискурс; возрастные изменения, третий возраст

Посвящается моему папе,
Максимову Александру Владимировичу (1941–2019),
одному из информантов данной статьи
и самому молодому из всех знакомых мне «стариков»...

СТАРЕНИЕ КАК БИОЛОГИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Понятие «старение» имеет довольно противоречивые характеристики и трактовки в научной литературе. Существует точка зрения, что более или менее единообразное толкование данного процесса принято в биологической науке. Здесь старение рассматривается как заложенный на генетическом уровне объективный и неизбежный процесс изнашивания организма. Исследователи-геронтологи связывают старение индивида с утратой фертильной функции, замедлением процессов регенерации организма, снижением показателей деятельности различных органов, ухудшением показателей здоровья и т. д. (Глуханюк и Гершкович 2003:53–54). Согласно такому подходу, изменения в стареющем организме происходят на биологическом уровне, тело становится уязвимым, вероятность смерти возрастает.

Тем не менее, по признанию самих ученых, все перечисленные процессы в большей или меньшей степени проявляются в человеческом организме уже с 30–35 лет (Батталья [2013] 2019:67) – возраста, который никак не ассоциируется со старостью в обыденном понимании. Возникает логичный вопрос: до какой степени должен быть изношен организм, чтобы достоверно считать его старым? Долгое время ответ на этот вопрос сопоставлялся с возрастными параметрами; к старикам в разные исторические периоды приписывали людей определенного возраста – от 60 лет и старше, от 65, 70 лет и т. д. В настоящее время в геронтологии к старческому возрасту чаще всего относят людей от 75 лет и старше (Полтавская 2018:50). В соответствии с классификацией Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Международной организации труда (МОТ), пожилыми считаются люди в возрасте от 60 до 74 лет, старыми – в возрасте 75–89 лет, а люди старше 90 лет признаются долгожителями (Парфенова 2016:79–80).

Однако даже такой, казалось бы, бесспорный подход в условиях роста продолжительности жизни и развития медицинских технологий в цифровом обществе может быть подвергнут сомнению. С одной стороны, процессы износа организма благодаря развитию технологий откладываются на все более поздний срок.

Кроме того, даже внешние признаки старения могут быть успешно скорректированы при помощи различных косметологических процедур и прочих изобретений современной индустрии красоты. С другой стороны, в XX–XXI веках наблюдается процесс «омоложения» ряда таких серьезных заболеваний, как диабет, гипертония, онкология и других, что фактически сводит на нет аналогию старости и болезненности организма. Поэтому можно согласиться с Антоном Смолькиным, который отмечает, что «возрастная периодизация работает примерно в той же логике, что и территориальное деление, и если для детства она еще оказывается эффективной, то в случае старости теряет свой предсказательный потенциал. [...] Иными словами, хронологический возраст в старости окончательно перестает что-либо объяснять» (2014:34).

Советский геронтолог Владимир Фролькис (1988) отмечал, что даже при условии рассмотрения феномена старения как универсального проявления природы общество сталкивается с необъяснимым парадоксом: каждый легко обнаружит разницу между молодым и старым, но никто не может дать исчерпывающую научную характеристику сущности старения и механизмов его развития.

Ян Стюарт-Гамильтон ([2006] 2010:26) полагает, что не существует одного определенного момента во времени, когда человек становится старым, а биологический возраст является произвольным и не очень точным критерием, так что использование конкретных чисел, обозначающих количество прожитых лет для определения порогового возраста старения, лишь придает ему обманчиво объективный статус.

Еще более формализованный подход к восприятию старения используется в правовой практике. В современных обществах одним из наиболее важных формальных критериев для того чтобы признать наступление так называемой социальной старости, считается прохождение индивидом установленного законодательством возрастного порога, после которого он располагает правом на пенсионное обеспечение (Молевич 2001:62). В российском законодательстве даже используется соответствующий этому подходу термин – «пенсия по старости».

В социальных науках подход к анализу старения имеет более сложный и дифференцированный характер, поскольку процесс старения невозможно анализировать вне конкретных общественных, культурных и исторических факторов, имеющих место в том или ином социуме. Социологов интересуют не только те отличительные черты различных возрастных групп, которые определяют социокультурные условия существования того или иного поколения, но и трансформации, происходящие в жизнедеятельности и самоидентификации отдельных личностей под воздействием возрастных изменений. Возраст старения в социологической перспективе, на наш взгляд, может быть понят только в контексте его социально-культурной и индивидуальной вариативности. По признанию Кристины Виктор (Victor 1987), многоаспектностью старости объясняется также существующее многообразие подходов к ее изучению, каждый из них акцентирует ту или иную ее сторону или их совокупность.

Рассмотрение старения как особого биологического и социокультурного процесса обуславливает необходимость интерпретации и такого понятия, как возраст. В исследовании возрастной стратификации выделяют два типа возраста: абсолютный и условный. Абсолютный, или хронологический, возраст является, по определению Виктора Бочарова, константной величиной и выражается числом единиц времени (чаще всего лет), отделяющих момент рождения индивида от времени измерения. Условный же возраст, или возраст развития, определяется путем самоощущения субъекта в определенном эволюционно-генетическом и социокультурном контексте, процессе развития (Бочаров 2000:12, 16). Таким образом, условный возраст устанавливается в первую очередь на основе конкретных субъективно определяемых признаков. А субъективное восприятие условного возраста формируется в процессе конструирования собственной периодизации жизни, структурирования течения времени, выделения в нем хронологических элементов, имеющих определенное содержательное и дискурсивное значение для конкретной личности. При этом определенную роль в субъективном восприятии личностью своих возрастных изменений играет общественный дискурс, конструируемый вокруг процесса старения.

Бернис Ньюгартен, Джоан Мур и Джон Лау еще в 1970-х годах сформулировали теорию социальных часов, согласно которой возраст определяет особенности организации индивидом своего жизненного пути, причем интерпретация жизненного опыта осуществляется не на основе собственной позиции, а через совокупность принятых в обществе норм, предписывающих то или иное «соответствующее» возрастное поведение. Возрастные нормы и ожидания влияют на поведение путем побуждений и ограничений. Мужчины и женщины осведомлены не только о социальных часах, которые управляют их жизнями, но и о своем собственном временном расписании (Neugarten, Moore, and Lowe 1965). Ньюгартен также предложила разделить людей старшего возраста на две группы: «молодые старые» (в возрасте 65–74 лет, обычно хорошо «функциональные») и «старые старые» (старше 75 лет, с большей вероятностью нуждающиеся в посторонней помощи). В своих работах она выступала за более сложный и неоднородный взгляд на процесс старения. В частности, «молодые старые», согласно исследованиям, часто являются достаточно активными и социально вовлеченными, не только сохраняя трудовую занятость, но и меняя города проживания или иным образом создавая новую жизнь для себя после того, как их дети выросли и начали жить самостоятельно (Neugarten and Neugarten 1996). Эти взгляды Ньюгартен и ее коллег представляют одно из исследовательских направлений в рамках теории социального конструирования старения.

Группа теорий, объединенных понятием социального конструирования старения, сформировалась в научном дискурсе в конце 1970-х годов и стала основой формирования особого направления в исследовании старения – критической геронтологии (Зеликова 2014:128). В своей формулировке данного подхода Кэррол Эстес утверждала, что пожилой возраст социально конструируется как результат представления общества о старении и старых людях. Особое внимание она обращает на то, что основные проблемы, с которыми сталкиваются пожилые, связаны с

тем, что общество думает о них и что создает для них (Estes 1979:1; цит. по: Зеликова 2014:129). Позднее Эстес отмечала, что все социальные акторы в условиях постиндустриального общества вовлечены в конфликт между государством и постиндустриальным капиталом. Борьба за власть под воздействием идеологии отражает доминирующие социальные отношения и обеспечивает внешний контекст для определения проблем старости и старения (Estes 2001:19). В рамках такого подхода, по мнению исследователей, надо в первую очередь анализировать, как люди объясняют свой возраст и действия, связанные с возрастом, как аргументируют свой подход к взаимодействию с другими. Именно такие утверждения создают реальность повседневной жизни (Зеликова 2014:129).

Сходной точки зрения придерживается и ряд российских авторов. Так, Дмитрий Rogozin отмечает: «Навязываемый в средствах массовой информации образ пожилого человека как угнетенного и оторванного от жизни, как “человека советского”, несущего на себе груз ушедшей эпохи, обладает стигматизирующим воздействием. Даже талантливые, с огромным опытом, навыками и умениями люди не всегда могут справиться с общим дискурсивным фоном, определяющим их неспособность в современном мире» (2016:40). Таким образом, тенденции, описываемые Эстес на примере американского общества, во многом характерны и для российского дискурса.

Важным дополнением к теории социального конструирования старения служит теория *моментального старения* Катрин Малабу. Исследовательница определяет старение не просто как постепенный процесс, к которому движется человеческий организм на протяжении своей жизни, но как некоторое мгновенное событие: «Случайный разрыв или же крушение самолета, если хотите. Даже в случае наиболее спокойного старения всегда привносится элемент случайности, измерение катастрофического» («Деструктивная пластичность» б.д.). Такое представление о «случайном» старении, по мнению Малабу, доказывает, что для того, чтобы постареть, постепенное «становление старым» не имеет особого значения: «Требуется что-то другое, а именно событие старения. Неожиданное, непредсказуемое, переворачивающее все одновременно. [...] Случайное превращение, подобное тем историям, о которых мы иногда читаем “ее волосы побелели за одну ночь”. Происходит нечто, что ускоряет старость субъекта, оставляя след крушения на процессе становления-старым, который одновременно является и не является его реализацией» («Деструктивная пластичность» б.д.). Опираясь на такую методологическую позицию относительно феномена старения, мы можем предположить, что лишь сам индивид субъективно осознает свое вступление в старость на основе того или иного знакового события, произошедшего в его жизни, или же не осознает, если такое событие не наступило.

Питер Лэслетт, автор популярного и широко используемого в настоящее время термина «третий возраст», введя его в научный оборот в конце 1970-х, уже в середине 1990-х отмечал, что первоначально принятый с большим энтузиазмом термин, как позволяющий ликвидировать дискриминацию по возрасту, в дальнейшем стал восприниматься как обладающий негативной коннотацией, фактически нивелирующий, но не ликвидирующий проблему. Так, в эссе «Третий возраст и

исчезновение старого возраста», он писал, что во многих европейских странах отказываются от принятых ранее названий «университет третьего возраста» и переименовывают их в «университет для всех возрастов» (Laslett 1995:9). Отстаивая право своего «детиса» на дальнейшее существование в научном и публичном дискурсе, он пишет далее, что «третий возраст» не является апологетическим эфемеризмом для тех элементов темы «старого возраста», которые люди оказываются неспособными осмыслить. Наоборот, это понятие подходит только для тех черт дальнейшей жизни индивида, которые понятие «старый возраст» в его обыденном понимании не в состоянии эффективно описать, а напротив, скрывает. Термин «третий возраст», утверждает Лэслетт, не часть самообмана, разработанная и поддерживаемая, чтобы отвлечь наше внимание от неизбежного процесса старения, которое затрагивает всех нас, или даже скрыть его от нас. Третий возраст означает достоинство и креативность, социальную значимость и общественность. Значимость, самоуважение и гражданское достоинство, которые, безусловно, продолжают в течение неопределенного срока в более поздний период жизни, если только полная немощность «четвертого возраста» не вмешивается в данный процесс (а, впрочем, часто даже и после этого) (10).

Взгляды, подобные идеям Лэслетта, в последние десятилетия активно развиваются западными авторами в рамках различных, но близких по сути концепций: концепции продуктивного старения (Morrow-Howell, Hinterlong, and Sherraden 2001), позитивного старения (Tornstam 2005), либерализации старения и либерализации от старения (Vincent 2003) и др. Акцентируя внимание на различных аспектах процесса старения, исследователи так или иначе стремятся к выявлению параметров, характеризующих возможность достичь максимального уровня удовлетворенности пожилых людей своей жизнью и осознанию продуктивной роли старшего поколения в общественной жизни.

Надо отметить, что отечественные авторы также активно обращаются к этой теме. Среди работ, опубликованных в последние годы, можно выделить исследования Александра Писарева (2005), Татьяны Волковой (2005), Ирины Шмерлиной (2014), Ларисы Косовой (2015), Дмитрия Рогозина (2016), Марии Полтавской (2018) и др. В то же время, изучая старшее поколение, они чаще всего оперируют количественными данными массовых опросов, практически не применяя качественную методологию исследования. В виде редкого примера можно привести статью Шмерлиной, в которой на основе анализа материалов интервью проанализировано три типа стратегии жизни россиян пенсионного возраста: «продолжение допенсионного образа жизни», «доживание» и «переориентация на социальную и личностную реализацию в новых сферах жизни» (2016:59).

Указанная выше тенденция актуализирует обращение к качественной методологии. Кроме того, значимым для нас является высказывание Лэслетта о том, что распространенным явлением в исследованиях является тот факт, что представители «второго возраста» рассматривают и комментируют людей «третьего возраста», думают за них, говорят за них, но не особенно склонны позволять им говорить за себя (Laslett 1994:440). Основной задачей нашего исследования было дать представителям когорты «третьего возраста» возможность осуществить са-

морerefлексию и высказать собственную позицию относительно своей жизни, мироощущения, восприятия процесса старения и выбора индивидуальных стратегий адаптации к данному процессу.

ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Опираясь на концепцию социального конструирования старения, мы полагаем, что для того, чтобы анализировать старение и старость не столько как социально конструируемые феномены, сколько как индивидуальные стратегии и практики, необходимо попытаться выяснить, как сами индивиды воспринимают и объясняют свой возраст и действия, связанные с ним, как аргументируют субъективный дискурс старения и восприятия возрастных изменений.

Основным методом сбора информации в соответствии с методологической рамкой стали нарративные интервью. Отбор информантов осуществлялся по следующим ключевым характеристикам: возраст и гендерная принадлежность (женщины и мужчины). Всего опрошено 16 информантов, среди них 9 женщин и 7 мужчин в возрасте от 63 до 83 лет, проживающих в одном регионе России – в Республике Татарстан. Интервью проводились в январе – мае 2019 года с соблюдением всех этических норм, длительность каждого интервью составляла от 120 до 360 минут.

На материалах интервью предполагалось проследить, имеется ли, по мнению информантов, некая возрастная граница, когда начинается «преклонный возраст – старость». Одной из задач исследования является анализ субъективного восприятия информантами категорий, связанных с собственным возрастом. В ходе наших интервью мы сознательно не затрагивали тему бедности пожилых людей, достаточно активно обсуждаемую в научной литературе (см., напр.: Смолькин 2010; Парфенова 2016). Мы не расспрашивали информантов об уровне их жизни, удовлетворенности размером пенсии и о доходе, если только они сами каким-то образом не затрагивали этот аспект. Нам в большей степени хотелось, чтобы пожилые информанты рефлексировали по поводу своего отношения к старости как к определенному этапу жизни скорее на ментальном, духовном, чем на материальном уровне.

При анализе также использованы материалы массового репрезентативного опроса населения Республики Татарстан, проведенного в 2017 году¹. Всего было опрошено 1480 человек. Среди них 215 респондентов старше 60 лет (141 женщина и 74 мужчины). В анкете исследования в модифицированном виде использовалась методика самоописаний («Кто Я? Кто Мы?») Мэнфорда Куна и Томаса МакПартленда (Kuhn and McPartland 1954). В соответствии с этой модифицированной методикой респондентам предлагалось указать по три ответа на вопрос «Кто я?» и по три ответа на вопрос «Кто мы?». Подвыборка в 215 человек не претендует на ре-

¹ Опрос проведен в рамках исследовательского проекта «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)», грант РФФИ № 17-06-00474, руководитель проекта – Владимир Беляев, ответственный исполнитель – Ольга Максимова.

презентативность для данной группы населения, однако позволяет, на наш взгляд, выявить некоторые общие тенденции. В силу незначительного объема выборки результаты исследования приводятся нами не в процентном, а в числовом измерении.

СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ КАТЕГОРИИ «СТАРОСТЬ»

Опираясь на результаты различных исследований (Кузнецов и Сергеева 2014; Чеметева и Давыдова 2018 и др.), а также на опыт собственных наблюдений, мы можем утверждать, что в российском обществе в целом сконструирован негативный образ старости, вследствие этого понятия *старый*, *старость* вызывают чувство тревоги, неприятия. Во многом это связано с общественным дискурсом, который формирует соответствующее отношение у пожилых людей к этим категориям и нежелание «примерять» их на себя даже в очень преклонном возрасте. Об этом свидетельствуют и материалы наших интервью. Вопрос «Могли бы Вы назвать себя старыми?» большинство информантов воспринимали с удивлением, раздражением или иронией, но ни один не готов был безоговорочно принять такую характеристику, вне зависимости от гендерной принадлежности и количества прожитых лет:

Я? Старый? Ну, нет, конечно! Какой я старый? Вы на меня посмотрите. Ну, сколько мне лет? А, да, [*смеется*] Вы же знаете, дочь выдала²... Да, она мне говорила, что вы стариков ищите для интервью. Но вы ж стариков по паспорту ищите, по возрасту. А я вам так скажу. Выгляжу я, ну лет на 60... Ну ведь так, а? А в душе мне... ну 40, максимум – 45. Так что не торопитесь меня в старики-то записывать! (Информант 7, мужчина, 74 года).

Нет, «старая», «старуха» – это все не про меня! Старухи – это те, кто совсем уж дряхлые. Ну, там, немощные, сами не обслуживают себя – вот это старухи. А я еще так... [*кокетливо*] дама среднего возраста (Информант 13, женщина, 69 лет).

Это обижает. Нам не хочется быть старыми бабушками. Хочется быть женщинами среднего возраста. Я в 74 года прекрасно хожу, спортом занимаюсь, делаю зарядку. Я где-то километров семь хожу. Днем бегаю на работу. Какая ж я старая? (Информант 1, женщина, 74 года).

В поисках более приемлемого определения, характеризующего количество прожитых лет, информанты предлагали различные варианты: «средний возраст», «зрелость», «мудрость», «предпожилой». При этом выглядящие более крепкими в физическом плане информанты чаще склонны соотносить старость с немощью или с возрастными параметрами, существенно превышающими собственные, как бы отодвигая от себя старость на некоторый срок:

² Дочь информанта выступила в роли рекрутера.

Пожилой человек – после 80. А старый – после 90. С 60 до 80 лет – это средний возраст. Я сама хочу так быть. Мой биологический возраст – 56 лет. А в свои 56 я даже и не замечала этот возраст, ведь я еще работала. Я постоянно работала, была большая нагрузка. И сейчас также, я не замечаю своего возраста. Иногда хочется, чтобы тебя лелеяли, но не считали старухой! А иногда ощущение, что я все могу, и мне никто не нужен (Информант 1, женщина, 74 года).

Старики – уж совсем кто больной, дряхлый, за собой не может ухаживать. Ходят, там, с палочкой, горбатые такие. Или совсем не ходят, дома сидят. Но, вот... Вот мать у меня. Ей 95 уже. Ну, вот да, она вроде старая... Хотя тоже, как сказать. Живет ведь одна, далеко от меня. Вообще на другом конце страны. Я только раз в год к ней езжу. Ну, там помогают ей, конечно. Социальная служба приходит, соседи. Еду ей покупают. Она из дома не выходит, ноги болят. Но по дому все сама. Так что вроде бы и старуха, но еще тоже ничего [улыбается]. А уж как звонит мне и начинает командовать да ругать меня, как мальчишку, – тут уж точно не скажешь, что старуха! [смеется] (Информант 7, мужчина, 74 года).

Последнее приведенное высказывание вполне показательное: оно описывает восприятие старости самими пожилыми людьми как некоего абстрактного явления, существующего вне их жизненного пространства. Как видим, информант 7 описывает старого человека как немощного, больного, но, вспомнив свою мать, вступившую уже в период долгожительства, даже ее не готов однозначно отнести к старикам, апеллируя при этом к тому, что она не лишена способности к самообслуживанию и самоконтролю.

Подобным образом и те информанты, которые производили впечатление физически слабых, имели трудности с передвижением и перенесли ряд серьезных операций; характеризуя старость, акцентировали внимание на утрате ментального, а не физического здоровья как маркере реального старения:

Ну, старики – это кто? Это не те, кто, вот, как я, например, там, плохо ходит... Я плохо хожу не потому, что старая, а потому, что ногу сломала давно еще, лет 30 назад, она срослась неправильно. Вот и хромаю. Операция на сердце у меня была, да. Лет десять назад. Но в один день со мной парня оперировали, лет 25. Так я операцию лучше, чем он, перенесла. Ему кардиостимулятор пришлось ставить. Не заработало сердце само после операции. А мое заработало. И работает, слава Богу, вот уже десять лет. Так что болезни – не признак старости. Старость – это когда человек из ума выжил. Не помнит, кто он, что он. Не интересуется ничем. А я, вот, кроссворды разгадываю лучше многих молодых. Читаю много. Развиваюсь что ли, как могу уж. Даже, вот, компьютер немного осваиваю [смеется]. Ну, как, осваиваю? Научилась сама искать рецепты блюд в интернете (Информант 11, женщина, 77 лет).

Одной из ключевых характеристик, позволяющих не относить себя к старикам, в высказываниях информантов является внутреннее ощущение, которое общенно можно назвать «молодостью духа»:

Молодость, старость... – я бы вообще не использовал такие категории, слишком уж они абстрактные. А вот эмоциональная зрелость и способность принимать, анализировать, осознавать, делать выводы, любить жизнь, вопреки... Эмоционально зрелым и незрелым можно быть в любом возрасте (Информант 9, мужчина, 83 года).

Есть два возраста: биологический и возраст души. Я, вот, себя ощущаю на 25, хотя по паспорту, конечно, мне намного больше. Есть у меня знакомая моего возраста, вот вроде бы пожилая по внешнему виду, а так ведь ее и не назывешь старухой – живет всех живых. И я думаю, что у большинства именно так. Да, с годами мы становимся мудрее, опытнее, но желания жить и интереса к жизни у нас ведь никто не отнимает. Вот если интереса к жизни нет, то можно человека назвать мертвым или, как у нас называют, старым. Старым человек может быть и в 30, и в 90. Старость – это когда уже ничего не нужно (Информант 4, женщина, 63 года).

Я не могу это принять, понимаешь... Потому что в душе я себя не чувствую таким, и поэтому мне противно, если меня вот так вот стариком называют... Пусть хоть как угодно, но не так [*усмехается*]. Там, пенсионером или стариком. Я думаю так: пусть называют по облику. Как есть по облику. Чтоб соответствовало это облику, а не тому, что я вот в таком возрасте. Ну, вот, иногда, там, спрашивают, сколько лет, я говорю: «Семьдесят три, скоро семьдесят четыре будет». Но меня это не угнетает. Потому что я чувствую, что у меня внури. А вот если назвать меня стариком, ну, там, типа: «Эй, старик, подвинься» – это для меня будет больно [*смеется*] (Информант 12, мужчина, 73 года).

Таким образом, наши информанты продемонстрировали в целом негативное отношение к категории «старость», когда речь идет о самоидентификации. Имея в виду взгляды представителей критической геронтологии, мы полагаем, что это связано с конструируемым в общественном дискурсе образом старика как немощного, дряхлого, зависимого, нуждающегося в финансовой и физической поддержке и исключенного из социальной жизни. Такой образ с высокой степенью вероятности ассоциируется в сознании человека со скорым завершением жизни, смертью, что вызывает негативные эмоции и желание отстраниться от него. Этот вывод подтверждают и результаты теста «Кто я? Кто мы?». Ни один из 215 респондентов пожилого возраста при выборе самоидентификационных характеристик себя и своей группы не указал определений «старик», «старики», «старые». И лишь один из всех дал себе характеристику «пожилой».

«ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ»: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ ПОДМЕНА ПОНЯТИЯ?

Понятие «третий возраст», активно внедряемое последние годы в российском научном дискурсе (Кузнецов и Сергеева 2014; Косова 2015; Полтавская 2018; Чемецева и Давыдова 2018 и др.), как показали результаты нашего исследования, практически не используется в повседневных речевых коммуникациях. Большинство из опрошенных нами информантов отрицательно ответили на вопрос о том, стал-

квивались ли они с термином «третий возраст» как альтернативным обозначением старости. Подобное определение ни разу не применялось по отношению лично к ним. Лишь один из информантов, активно вовлеченный в преподавательскую деятельность, проявил информированность:

Третий возраст, третий возраст... Что-то слышал. Типа, университет третьего возраста. Вы про это? Ну да, там пенсионеров обучают. Ну, что сказать? Назвали красиво. Политкорректно, так сказать. Ну, чтоб люди не пугались и шли. А то, вот, назови-ка «университет стариков» [*смеется*], или «университет пенсионеров»... Люди стесняться будут. Хотя чего стесняться? Вот я – пенсионер. 17 лет уже пенсионер. Пенсию свою честно заработал. Но я ж не сижу дома, я и дальше тружусь. [Президент Владимир] Путин, вот, мне за это пенсию не индексирует. [Мэр Казани Ильсур] Метшин отобрал 350 рублей на проездной. Вы, говорят, зажиточный пенсионер. О как! Зажиточный. А я работаю-то не из-за денег. Ну, скажем, не столько из-за денег, хотя лишняя копейка нам, пенсионерам, не помешает, конечно. Но главное не это. Главное то, что пока я работаю, я в первую очередь работающий, а уже во вторую – пенсионер. Так и тут: если сидишь дома на пенсии, не работаешь – так иди, учись, раз есть такая возможность. Там даже бесплатно, вроде, все. И будешь чувствовать себя молодым тогда. И неважно, как это все называется. Я вот так считаю. Лично я молодой всегда, потому что всегда на публике, всегда с людьми, со слушателями своими. Это мне энергии придает (Информант 10, мужчина, 77 лет).

Остальные информанты, услышав термин «третий возраст», не высказали каких-либо положительных ассоциаций, воспринимая его нейтрально или же негативно:

Не знаю. Я не понимаю этого. Что значит «третий возраст»? Почему «третий»? Возраст – он у человека один. У каждого свой. Меня когда спрашивают, какой твой возраст, я честно говорю: «Семьдесят лет». А чего стесняться? Возраст – он и есть возраст. Другое дело, как я себя ощущаю, на сколько лет... (Информант 14, женщина, 70 лет).

Интервьюер: А вот как бы Вы предпочли, чтобы Вас называли: стариком или человеком «третьего возраста»?

Информант: Не тем и не другим!

Инт.: А как?

Инф.: Пусть как угодно, но... не так! [*усмехается*]. Одно и то же это... Как оскорбление что ли. Типа, ты все уже, в третьем эшелоне... (Информант 7, мужчина, 74 года).

Как видим, категория «третий возраст» в российской языковой практике не стала заменой понятию «старость» с его негативными коннотациями и воспринимается самими пожилыми информантами скорее в ироничной интерпретации Жана Бодрийяра: «“Третий возраст” тяжким мертвым грузом отягощает общественный баланс. [...]. Старость, недавно колонизованная современным обществом, отягощает его таким же грузом, как и раньше население колониальных стран.

Выражение “третий возраст” точно передает суть дела – своего рода “третий мир”» ([1976] 2000:290).

«КТО Я?» И «КТО МЫ?»: В ПОИСКАХ НЕЙТРАЛЬНО ИЛИ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ВОСПРИНИМАЕМЫХ САМОИДЕНТИФИКАЦИЙ

В ходе интервью после вопросов об отношении к понятиям «старость», «старение», «третий возраст», наши информанты пытались осуществить саморефлексию и найти те определения своей сущности, обусловленной количеством прожитых лет, которые бы показались им приемлемыми и не вызывали негативных ассоциаций. Здесь мы наблюдали противоречивое столкновение самоидентификационных характеристик на микро- и макроуровнях: в семье и обществе.

Так, во внутрисемейном общении скорее положительные эмоции вызывают такие понятия, как «бабушка», «дедушка», «старейшина», отражающие объективное положение индивида во внутрисемейной иерархии:

Ну... Вот, в семье, в моей семье, меня уж редко дети мои зовут мамой. Чаще бабушкой. Но это как бы сказать... Это мне не обидно. Почему? Ну, это вроде как бы, наоборот, уважением ко мне. Что ты, мол, бабушка наших внуков. Спасибо тебе за это. Но вот если мне на улице кто-то говорит «бабушка» – меня корбит сразу. Чего это я вам бабушка, какая я бабушка? Совсем другое это... (Информант 2, женщина, 76 лет).

Информант: И вот иногда... м-м-м... там вот бывало так... где-то нахожусь... и, вот, какой-то молодой скажет: «Ну, ты, отец...». Там чего-то... Блин, думаю: да какой я тебе отец? [*усмехается*].

Интервьюер: То есть даже «отец» обидно? А если «дед» назовут?

Инф.: Ну-у-у! «Дед» – это уж вообще! Но «отец» мне тоже...

Инт.: Не нравится...

Инф.: Нет. Ну, он уже... я ж чувю, что за этим словом «отец» кроется «дед»! Да. Поэтому и не очень... Отношение такое. Какой я тебе отец? Не только потому, что он, там, такой или не такой, не годится мне в сыновья или годится. Просто само возрастное такое отношение. «Отец» – то есть уже чувю, что я – ого-го какой старый. Вроде как не равный ему. А я-то считаю себя равным! (Информант 12, мужчина, 73 года).

Дифференцированное отношение к рассматриваемым категориям подтверждается и материалами анкетирования. При ответе на вопрос «Кто я?», характеристику «дедушка», «дед», «бабушка» указали 65 человек из 215 (13 человек – как первый ответ, 33 – во вторую очередь, и 19 указали ее на третьем месте). Отвечая же на вопрос «Кто мы?» ни один из респондентов не идентифицировал себя с группой «дедов», «дедушек», «бабушек». Показательно в этом смысле высказывание одной из информанток, которая на общественных началах является председателем союза пенсионеров. Несмотря на то, что самой ей 74 года, она позиционирует себя с отстранением от группы «бабушек»:

Затем меня пригласили в пенсионный фонд председателем союза пенсионеров. Мы организовываем мероприятия с пенсионерами. Выполняю двойную общественную работу. Ни копейки нам за это не платят. Пока двигаемся, пока работаем. Среди союза пенсионеров мы проводим обучение пенсионеров компьютерной технике, художественной выразительности. Все члены союза пенсионеров обучаются бесплатно [...]. У меня свободных дней почти нет, и мне это нравится. Все дни заняты. Я каждый день занята, каждый день что-то делаю, полезное людям оказываю. Под свое опеку я взяла много бабушек, посещаю их, оказываю помощь, просто волонтерское движение, их посещаю, поэтому у меня времени нет совершенно. Даже с ними разговаривая, им в пожилом возрасте уже приятно (Информант 1, женщина, 74 года).

Когда речь идет об обращениях на татарском языке, наши информанты отмечают следующие особенности. В отличие от русского языка, где обращение «тетя» или «бабушка» со стороны посторонних людей вызывает у пожилой женщины скорее негативную реакцию, в татарском языке существует слово «апа», которое может применяться по отношению практически к любой старшей по возрасту женщине. Например: «апа» – тетя, «оляапа» – старшая сестра, «укытучыапа» – учительница. «Апа» применяется как по отношению к родственницам, так и к посторонним женщинам. При этом, по словам информанток, такое обращение воспринимается положительно или нейтрально во всех контекстах:

[Говорит по-татарски] Вот смотри-ка. У нас, татар, ведь проще все это. Любой может назвать меня «апа». Причем это же с детства так. Младший брат меня звал «апа». Значит, сестра старшая. А младшая уже будет «сеңел». То есть получается, если ты привыкла с детства, что любой, кто младше тебя, называет тебя «апа», то уже когда тебе много лет, ты не воспринимаешь это как-то плохо. Ты же, вот, меня называешь Фирая-апа³, хоть я тебе и чужая. Но мне ж не обидно *[смеется]*. Или, вот, даже если человек по-русски со мной говорит и назовет «апа», я нормально, не замечу даже, ну, как само собой. А вот если меня по-русски назовут там... *[переходит на русский язык]* «бабка», «бабушка», или, там, «старушка»... *[переходит на татарский]* – мне уже не то. Как-то сразу по ушам режет. Хотя ведь тоже на старшинство указывает *[смеется]* (Информант 14, женщина, 70 лет).

Один из информантов, рассуждая о том, какое обращение к нему со стороны посторонних людей он счел бы наиболее приемлемым, вспомнил опыт советского прошлого:

Вот в советские годы все было просто. Все были «товарищи». К любому человеку можно было обратиться «товарищ». И к группе людей – «товарищи». И неважно, сколько кому лет. А сейчас как? Господа? Ну, это же смешно. Там, я не знаю... Придешь в какой-нибудь клуб на встречу с пожилыми. Выйдет чиновник молодой на сцену... И что он нам скажет? Здравствуйте, господа? Ну, глупость же. Еще и обидимся. А вот «товарищи» – это хорошее было слово,

³ Имя изменено.

простое. Мы между собой его до сих пор употребляем (Информант 9, мужчина, 83 года).

Неоднозначное отношение вызывает у информантов и характеристика их как пенсионеров. Некоторые из них, как в вышеописанных примерах, говорили, что гордятся статусом пенсионера, поскольку заработали его многолетним трудом. При этом термин «пенсионер» не ассоциируется у этой группы с негативно воспринимаемым понятием «старость». Другая часть, напротив, заявила, что «пенсионер» для них означает положение старого, немощного, беспомощного, а потому такая идентификация вызывает негативные ассоциации. Противоречивое отношение самих пенсионеров к своему статусу подтвердили и результаты анкетирования. Так, отвечая на вопрос «Кто я?» вариант «пенсионер/пенсионерка» выбрало достаточно большое количество респондентов – 51 человек из 215 (23 человека – в качестве первой позиции ответов, 12 человек указали его во вторую и 16 – в третью очередь соответственно). Тогда как в ответе на вопрос «Кто мы?» к группе пенсионеров отнесли себя лишь 18 человек (5 человек – на первой позиции, 6 и 7 человек – на второй и третьей соответственно). Таким образом, если на уровне личностной самоидентификации индивиды готовы признать свой статус пенсионера как объективно заданный существующей системой пенсионного обеспечения, то когда речь идет о групповой идентичности, они редко ощущают солидарность с другими пенсионерами.

«МОМЕНТАЛЬНОЕ СТАРЕНИЕ»: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОМЕНТА НАСТУПЛЕНИЯ СТАРОСТИ

Вообще надо отметить, что вслед за официальным дискурсом, связывающим, как было показано выше, процесс старения с законодательно установленным возрастом выхода на пенсию, для многих опрошенных нами информантов этот рубеж и стал тем знаковым событием, которое, по терминологии Малабу («Деструктивная пластичность» б.д.), субъективно воспринимается как «момент наступления старости»:

Информант: Чувствовал ли я себя когда-то старым? Интересный вопрос... Наверное, когда вышел в отставку. Ну, вот я же военный, у меня пенсия по выслуге в 45 лет наступила. Меня уговаривали остаться, но я ощущал усталость. Сил больше не было. Тем более эти 90-е сумасшедшие. Армия разваливается, все разваливается. Не было сил на это смотреть. Ну и написал рапорт. И вот стал вдруг пенсионером в 45 лет. И как-то вот тогда вдруг... Да, как будто старым стал. А жена меня на пять лет моложе, работала, зарабатывала... Хотя у меня тоже пенсия большая была, 450 рублей. Это еще когда зарплата 120 рублей считалась хорошей. Вот, значит, не то что из-за финансов, а вот как-то вдруг стал ощущать себя старым рядом с молодой женой... Кризис начался у меня. И развелся в итоге.

Интервьюер: А потом как? Так и продолжали ощущать себя старым?

Инф.: [*смеется*] Нет! Потом-то как раз нет. Развелся, вот, значит... Может, и зря, конечно, сгоряча, так сказать. Но год, наверное, вот у меня такое ощущение было, что старик. А потом, наоборот, крылья расправились. Это как в стихе: «Сурова жизнь, коль молодость в шинели, а юность перетянута ремнем». Ну, и получается, вот, вышел на пенсию, а потом вдруг понял: не догулял или что-то... Хорошо сохранился, в армии как бы застопорился на каком-то возрасте... Не в развитии, а в самочувствии, в духовном развитии... И вот через год после выхода на пенсию у меня вторая молодость и началась. И теперь я стариком себя уже не ощущаю [*смеется*] (Информант 12, мужчина, 73 года).

Подобные мысли высказывали и другие информанты, причем, как правило, «моментальное старение», связанное с выходом на пенсию и прекращением трудовой деятельности, описывается именно как преходящее. При помощи различных трансформаций стиля жизни этот этап преодолевается и ощущение старости, по признанию информантов, отступает:

Процесс осмысленной жизни доставляет большое удовольствие – в этом и есть прелесть возраста. И чем старше ты становишься, тем глубже этот процесс. Число возможных комбинаций увеличивается прямо пропорционально возрасту: самоанализ, взгляд на процесс и самого себя – в этом и есть возрастной дар. Жизненные кризисы, как, вот, выход на пенсию, например, – они помогают от окостенения что ли, разбивают какие-то шоры, стереотипы. Только так можно выжить и продолжать жить, не теряя остроты и радости бытия. Все, что происходит, все во благо, если все принимаешь. С возрастом социальные программы отрабатываются, долги и обязательства жизни отдаются. Другими словами – свобода. Потенциальный человек становится подлинным человеком с возрастом, надо только осознать и принять эту ценность (Информант 8, мужчина, 63 года).

Стратегия адаптации к новому статусу пенсионера может быть связана с продолжением трудовой деятельности в своей сфере или поиском новой работы, причем материальный фактор, по признанию информантов, не играет решающей роли. Более значимым является чувство нужности, востребованности обществом. Такая стратегия, как показало наше исследование, в большей степени характерна для мужчин:

Вышел на пенсию в 91-м году, но на пенсии еще не был. Вышел на пенсию не в 60, как раньше было, а чуть раньше, в 42 года, за особые заслуги труда. Прекращать свою детальность не планирую. Я люблю воздух, полеты и парашют, ну и людей тоже. Вроде как когда общаешься с молодежью, живее себя чувствуешь. На работе, пока учу юных парашютистов, подпитываюсь их энергией. Я им опыт и знания даю, а они мне сил и настроения. У молодежи энергии много, а у меня мало, поэтому если я у них понемногу возьму, им незаметно, а мне – хорошо (Информант 6, мужчина, 75 лет).

Я сам пару лет назад думал: вот выйду на пенсию и буду дома сидеть отдыхать. Вышел, отдохнул и понял, что не могу так, что я совсем про другое. Летом – понятно, есть мое больше увлечение – лес, рыбалка, охота. А зимой

моими любимыми занятиями не займешься, поэтому на зиму я себе нахожу работу (Информант 5, мужчина, 65 лет).

Женщины-информантки чаще в качестве стратегии преодоления кризиса «моментального старения», обусловленного выходом на пенсию, избирают общественную работу, домашние хлопоты, помощь детям и внукам, различные хобби.

Интервьюер: Ну, вот, Вы сказали, что Вас по сокращению штатов в 60 лет на пенсию уволили, то есть Вы еще работали после пенсии пять лет...

Информант: Да-да, работала, а потом, вот, да, вроде как по сокращению штатов.

Инт.: Обидно это было?

Инф.: Да нет, там многих тогда сократили. И тех, кто моложе был. Вроде как производственная необходимость.

Инт.: А потом Вы как-то пытались чем-то заняться, новое место в жизни найти?

Инф.: Нет, ну, новое место работы – нет, это точно нет. А новое место в жизни... Ну, вот, тряпочками я занялась⁴, вязанием, рукоделием... Это считается? Не считается? Ну вот, этим занялась... (Информант 11, женщина, 77 лет).

Мне некогда было думать о старости на пенсии. Я, собственно, на пенсию добровольно ушла, дня лишнего не работала, потому что у меня как раз внучка родилась. А дочери надо было на работу выходить. Так что я, можно сказать, с одной работы на другую перешла. Воспитанием внуков занялась. И эта работа – она как-то приятнее и благодарнее будет. Главное – ты чувствуешь, что нужна детям своим, внукам... Я с ними, с внуками-то, и на лыжах зимой, и летом одна с ними на юг езжу. Так что отдых на пенсии, старость, там – это точно не про меня [*смеется*] (Информант 4, женщина, 63 года).

Я, как только вышла на пенсию, в 55 лет, записалась на фитнес. Правда! Всю жизнь мечтала, а времени все не было. Здоровым питанием еще занялась. Похудела на десять килограмм. Такая легкость сразу появилась, не поверите. И вот как-то мне подруга говорит: «Вот чего ты сидишь в четырех стенах?» Ну, я одинокая ведь. С семьей, детьми не сложилось как-то... И вот, она мне говорит: «Надо тебе путешествовать». У меня квартира от мамы осталась, я ее сдаю. Как бы финансы есть небольшие... И вот стала, правда, копить и поехала в первый раз в Париж. Это было что-то нереальное. Я бы несколько лет назад не поверила, если бы мне сказали, что я вот так вот... поеду куда-то. Ну а сейчас уже десять лет путешествую, столько стран объехала – не сосчитать. И фитнесом продолжаю заниматься. И мне кажется, что только на пенсии жизнь моя и началась [*смеется*]. Как в кино, у Алентовой (Информант 3, женщина, 65 лет).

Как видим, если ситуация выхода на пенсию и воспринимается индивидами как некий критический момент, заставляющий некоторых из них задуматься о ста-

⁴ Информант занимается изготовлением пледов в стиле пэчворк и показывала перед разговором свои работы.

рости, то, как правило, такие ощущения проходят в процессе замещения одного вида деятельности другим и адаптации собственного стиля жизни к изменившемуся статусу. Куда более травматичными являются потеря близких (как правило, супругов) или тяжелая болезнь. Такие факты биографии, особенно если они случаются в достаточно преклонном возрасте, пожалуй, и становятся в полном смысле моментом субъективного наступления старости для индивида:

Информант: Ну, вот что я думаю про себя... Думаю, что скоро конец мне... Да. Ощущаю себя так. Что все...

Интервьюер: Ох! А давно это у Вас? Вот такое ощущение?

Инф.: Ну, после смерти мужа [более полугода назад]... До этого больной себя ощущала, да. А старой... Старой, наверное, нет. А теперь уж все... (Информант 11, женщина, 77 лет).

Знаете, я как-то долго себя не чувствовала... ну, там, старой или даже пожилой... Вроде все бегала, делами занималась. Даже уже когда на пенсию вышла, никогда без дела не сидела. Огород, скотина, то, се... А потом вдруг как-то навалилось все. Одну болезнь нашли, вторую. Несколько операций... И вот лежу как-то в больнице после очередной операции и понимаю: а вот она и старость. Подкралась незаметно [усмехается с горечью]. Не ждала я ее, ох, не ждала. А она вот и спрашивать не стала... Последняя операция год назад была. С тех пор инвалидность дали. Сажу дома, выйти сама из дома не могу, хозяйство вести не могу. Хорошо – дети помогают, а так бы не знаю, как прожила. Вот как-то так. И не хочешь вроде стареть, а стареешь (Информант 2, женщина, 76 лет).

В то же время стоит отметить, что, даже пережив трагический опыт или многочисленные жизненные трудности, не все информанты готовы признать наступление старости:

Вот, пенсионеры, вы говорите... У меня, вот, муж умер, мне 43 года было. Он – военный в отставке, сердце не выдержало. Тогда ведь не было медицины такой, как сейчас. Сейчас бы спасли его, наверное, операцию сделали... А тогда – нет [вздыхает]. Ну, значит, умер он, мне военкомат пенсию назначил по потере кормильца. И получается, я в 43 свои годочка – вдова да пенсионерка. Но это же не значит, что я старуха! Ничего. Поплакала год, поплакала два... Смирилась уж. Замуж заново не рвалась, не надо уже мне это было... [пауза]. А потом, когда внуки у меня уже пошли, – ну это лет через десять уже было, получается, – я строго-настрого сказала: никакой «бабы Вали»⁵ тут нет и не будет [смеется]. Я вам просто Валя... Вот так внуки меня и зовут: Валя. А мне нравится. Нечего меня в бабки записывать [смеется] (Информант 13, женщина, 69 лет).

⁵ Имя изменено.

Информантка, несмотря на пережитую трагедию потери супруга и вопреки рано приобретенному статусу пенсионерки, не готова принимать «старческие», в ее понимании, характеристики даже на уровне внутрисемейного взаимодействия.

Достаточно высокий уровень субъективного благополучия некоторые информанты отмечают даже несмотря на серьезные болезни:

Я сейчас к операции готовлюсь. На сердце. Собираю анализы и прочее там... Ну, страшновато, конечно, не без этого. Вроде бы не сказать, что совсем плохо себя чувствую. Терпимо. И на даче работать могу, и так еще бодрый. Ну, давление, вот, только скачет, а так ничего. Но врач мне так сказал: сейчас ты молодой еще, можно операцию делать. Через несколько лет придешь, будешь плохо чувствовать себя, скажешь: «Режьте». А мы скажем: «Нет, поздно, в таком возрасте риск большой». Вот поэтому лучше сейчас. Пока молодой... Ну, а там, дай Бог, и вторая молодость начнется, с новым сердцем-то [*улыбается*] (Информант 7, мужчина, 74 года).

В ряде случаев информанты апеллировали к генам, приводя в пример своих родственников-долгожителей:

Ну как я могу взять и вдруг сесть дома и ничего не делать? Мне не положено. Знаешь, почему? У меня мама до 87 лет прожила, а бабушка почти до 95. О, а бабушка у меня, знаешь, какая была? Расскажу историю. Бабушка была очень сильной, деловой, большой. В 1943 году пришла (не знаю уж, зачем) как-то на мельницу. А там мужики все: кто без ноги, кто без руки; говорят ей: «Манува-ра⁶, мешок тебе на плечи положим (а мешки тогда были по 70 кг), полтора километра до дома: если донесешь, не останавливаясь – мешок твой». Бабушка, 83 года ей было, эти полтора километра мешок на плечах донесла. Мама рассказывала, эти два мужика за ней уж прибежали, один сказал: «Нет, у меня рука не поднимается забрать. Как-нибудь уж...». 1943-й год, 70 кг муки... И эту муку, мама рассказывает, бабушка раздала всем на нашей улице, в ушанку сыпала и раздавала... Вот и скажи: можно мне стареть-то с такой бабушкой? Никак нельзя [*смеется*] (Информант 1, женщина, 74 года).

У меня мама до ста лет буквально месяц не дожила. Отец на войне погиб, так что не знаю, до сколько бы прожил. Сестре старшей сейчас 87, брату 80. Так что я, считай, пацан еще по сравнению с ними⁷ (Информант 10, мужчина, 77 лет).

В долгожительстве своих предков, родственников информанты находят определенного рода легитимацию для отрицания факта своего старения. С одной стороны, такая внутренняя установка способствует сохранению оптимизма, бодрости духа и уверенности в завтрашнем дне, повышая уровень субъективного благополучия пожилых людей. С другой стороны, в определенных случаях она негативно

⁶ Имя закодировано.

⁷ Через несколько недель после интервью информанта, который собирался в этот момент на работу, увезли в больницу, у него был инсульт, спустя несколько дней он скончался в реанимации, не приходя в сознание.

отражается на реальных здоровьесберегающих практиках (отказ от своевременного обращения к врачам, пренебрежение правилами здорового образа жизни) и сказывается на качестве и продолжительности жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали результаты нашего исследования, понятия «старость», «старый» вследствие сконструированного в общественном мнении дискурса приобрели негативные коннотации. При этом они не были замещены и более политкорректным термином «третий возраст», хотя высказывания наших информантов во многом подтверждали слова автора данного термина Лэслетта о том, что период жизни, обозначаемый как «третий возраст» характеризует достоинство, креативность и социальную значимость представителей старшего поколения. Пожилые информанты, несмотря на различные материальные, психологические, физиологические и прочие проблемы, обусловленные и возрастом и спецификой социального статуса пожилого человека в современном российском обществе, реализуют различные стратегии адаптации к собственным возрастным изменениям. Чаще всего это стратегии, позволяющие им на уровне самоидентификации формировать определенное ощущение субъективного благополучия и замещать негативные диспозиционные ассоциации иными, воспринимаемыми нейтрально или положительно.

Исследование позволило охарактеризовать некоторые дискурсы восприятия собственного процесса старения информантами, которых по хронологическому принципу можно отнести к пожилым и старым людям. Как показали результаты анализа интервью и тестирования по модифицированной методике «Кто я? Кто мы?», сами пожилые люди демонстрируют амбивалентное отношение к процессу старения. Оценивая переживаемый в настоящее время период своей жизни, информанты ассоциируют его с мудростью, опытом, возможностью самореализации, в том числе в тех сферах, где раньше они не могли себя проявить в силу загруженности профессиональными и семейными обязанностями. Так, один из наших информантов в 70 с лишним лет начал заниматься живописью, другая информантка – писать стихи, третья занялась фитнесом и стала путешествовать по миру.

Переживаемый период жизни характеризовался информантами как специфический рубеж, этап осмысления личных достижений и приоритетов, подведения итогов. Сам же «старческий» возраст воспринимается ими как некоторая данность, она имеет лишь формальное значение, но не влияет напрямую на внутренние самоощущения... Продолжающие трудовую деятельность информанты оценивают ее скорее как возможность оставаться нужным, востребованным, отодвигая на второй план такой (хотя и немаловажный) мотив, как финансы. Основными жизненными ценностями информантов, как показало исследование, являются чувство самоудовлетворенности, семья, здоровье, наличие друзей и активная деятельность (трудовая, общественная или семейная).

Выбор момента, с которого начинается отсчет субъективно осознаваемой старости (или отсутствие такого момента), связан с теми экстремальными жизненными событиями в старшем возрасте, которые можно считать отдельным, самостоя-

тельным фактором старения. Возраст безусловно является важной переменной как для понимания и прогнозирования индивидуального поведения, так и для определения роли старшего поколения в общественном развитии. Субъективное же восприятие возраста выступает как способ структурирования течения времени, выделения в нем хронологических элементов, имеющих важное содержательное и дискурсивное значение.

Мы полагаем, что российское общество нуждается в переосмыслении концепта «старость» и формировании более толерантного отношения как к возрастной категории, так и к процессу старения. Позитивным представляется опыт итальянцев, организовавших еще в 1998 году движение «Да здравствуют старики!». Это объединение людей старшего возраста, деятельность которого, с одной стороны, помогает самим пожилым людям взяться за какое-то новое для них дело и положить конец чувству безысходности (Курци 2019:245–246). С другой стороны, именно такие инициативы способствуют нивелированию конструируемых в обществе стереотипов о старости как о самом неблагоприятном и непродуктивном периоде жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батталья, Джино, ред. [2013] 2019. *Сила возраста: уроки старости для семей и молодежи*. СПб.: Алетейя.
- Бодрийяр, Жан. [1976] 2000. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.
- Бочаров, Виктор. 2000. *Антропология возраста*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Волкова, Татьяна. 2005. «Социальные и психологические проблемы старости». *Вопросы психологии* 2:118–126.
- Глуханюк, Наталья и Тамара Гершкович. 2003. *Поздний возраст и стратегии его освоения*. М.: Московский психолого-социальный институт.
- «Деструктивная пластичность: Катрин Малабу о моментальном старении». Б.д. *Теории и практики*. Просмотрено 2 мая 2020 г. <https://special.theoryandpractice.ru/malabout-instantaneous-ageing>.
- Зеликова, Юлия. 2014. *Стареющая Европа: демография, политика, социология*. СПб.: Норма.
- Косова, Лариса. 2015. «Третий возраст: социальное самочувствие». *Демоскоп Weekly* № 667–668, 14–31 декабря. <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/demoscope667.pdf>.
- Кузнецов, Андрей и Ольга Сергеева. 2014. «“Новые” технологии и “старые” люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста». *Социология власти* 3:99–125.
- Курци, Роландо. [2013] 2019. «Да здравствуют старики!». С. 245–249 в *Сила возраста: уроки старости для семей и молодежи*, под ред. Джино Батталья. СПб.: Алетейя.
- Молевич, Евгений. 2001. «К анализу сущности и формы социальной старости». *Социологические исследования* 4:61–64.
- Парфенова, Оксана. 2016. «Позиционирование пожилых граждан как уязвимой группы в современной России: официальный и общественный дискурсы». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология* 12(1):179–187. doi:10.21638/11701/spbu12.2016.108.
- Писарев, Александр. 2005. *Демографическое старение: жизнедеятельность пожилого населения*. М.: ЦСП.
- Полтавская, Мария. 2018. «Социальная активность граждан “третьего возраста”: гендерный аспект (на примере г. Волгограда)». *Logos et Praxis* 17(2):48–64. doi:10.15688/lp.jvolsu.2018.2.5.
- Розгин, Дмитрий. 2016. «Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте». С. 8–41 в *Старикам тут место: социальное осмысление старения*, под ред. Дмитрия Розгина и Анны Ипатовой. М.: Институт социологии РАН.

- Смолькин, Антон. 2010. «Бедность и социальный статус пожилых людей в современной России». *Мониторинг общественного мнения* 3(97):179–192.
- Смолькин, Антон. 2014. «Уважение к старости: социологическая концептуализация». *Социология власти* 3:31–46.
- Стюарт-Гамильтон, Ян. [2006] 2010. *Психология старения*. СПб.: Питер.
- Фролькис, Владимир. 1988. *Старение и увеличение продолжительности жизни*. Л.: Наука.
- Чеметева, Юлия и Марина Давыдова. 2018. «Эвфемизация юридических терминов в отношении “третьего возраста”: необходимость и пределы». *Logos et Praxis* 17(2):83–92. doi:10.15688/lp.jvolsu.2018.2.8.
- Шмерлина, Ирина. 2014. «Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте». *Социологический журнал* 1:72–86.
- Шмерлина, Ирина. 2016. «“Либерализация старения”: теоретические иллюзии и эмпирические “аномалии”». С. 50–78 в *Старикам тут место: социальное осмысление старения*, под ред. Дмитрия Рогозина и Анны Ипатовой. М.: Институт социологии РАН.
- Estes, Carroll L. 1979. *The Aging Enterprise*. San Francisco: Jossey Bass.
- Estes, Carroll L. 2001. *Social Policy and Aging: A Critical Perspective*. London: Sage Publications.
- Kuhn, Manfred H., and Thomas S. McPartland. 1954. “An Empirical Investigation of Self-Attitudes.” *American Sociological Review* 19(1):68–76.
- Laslett, Peter. 1994. “The Third Age, the Fourth Age and the Future.” *Ageing & Society* 14(3):436–447.
- Laslett, Peter. 1995. “The Third Age and the Disappearance of Old Age.” Pp. 9–16 in *Preparation for Aging*, ed. by Eino Heikkinen, Jorma Kuusinen, and Isto Ruoppila. Boston: Springer US.
- Morrow-Howell, Nancy, James Hinterlong, Michael W. Sherraden, eds. 2001. *Productive Aging: Concepts and Challenges*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Neugarten, Bernice, Joan W. Moore, and John C. Lowe. 1965. “Age Norms, Age Constraints, and Adult Socialization.” *American Journal of Sociology* 70(2):710–717.
- Neugarten, Bernice L., and Dail Ann Neugarten. 1996. *The Meanings of Age: Selected Papers of Bernice L. Neugarten*. Chicago: University of Chicago Press.
- Tornstam, Lars. 2005. *Gerotranscendence: A Developmental Theory of Positive Aging*. New York: Springer Publications.
- Victor, Christina R. 1987. *Old Age in Modern Society: A Textbook of Social Gerontology*. London: Croom Helm.
- Vincent, John. 2003. *Old Age*. London: Routledge.

OLD AGE OR “THIRD AGE”? DISCOURSES OF INDIVIDUALS’ SUBJECTIVE PERCEPTIONS OF THEIR OWN AGE-RELATED CHANGES

Olga Maximova

Olga Maximova, Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University. Address for correspondence: KFU, Kremlevskaia ul., 18, Kazan’, 420008, Russia. olga_max@list.ru.

The concept of aging has quite contradictory characteristics and interpretations in the academic literature. The most developed are biological (gerontological), chronological, and sociological approaches. In the social sciences the phenomenon of aging has a complex structure—it cannot be studied outside the social, cultural, and historical factors existing in a particular society.

Following the notion of social construction of aging, I believe that in order to analyze aging and old age not only as socially constructed phenomena but as individual strategies and practices, we must investigate how individuals themselves subjectively explain their age and actions related to it and how they present their own discourse of aging and perception of age-related changes. According to the adopted methodological framework, narrative interviews with informants aged 63 to 83 years became the main method of collecting data for this study.

As the results of the study demonstrate, individuals who by the criteria of age are assigned to the category of the “elderly” manifest an ambivalent attitude toward the process of aging. Assessing the current period of their life, informants associate it with wisdom, experience, and the possibility of self-realization, including in those areas where before they could not prove themselves due to the burden of professional and family responsibilities.

Advanced age is characterized by informants, first of all, as a time of assessing one’s life, summing up its results, while the number of years lived is perceived rather as a given that has only a formal meaning but does not directly affect their inner sense of self. Informants who continue working see it as an opportunity to remain useful, in demand, rather than purely as a source of (albeit not unimportant) additional income. The main things that the elderly value, as the study revealed, are self-satisfaction, family, health, having friends, and various kinds of activities (labor, civic, or family) that allow them to feel needed.

Keywords: Old Age; Aging; Social Construction of Aging; Discourse; Age-Related Changes

REFERENCES

- Battaglia, Gino, ed. [2013] 2019. *Sila vozrasta: Uroki starosti dlia semei i molodezhi*. Saint Petersburg, Russia: Aleteiia.
- Baudrillard, Jean. [1976] 2000. *Simvolicheskii obmen i smert'*. Moscow: Dobrosvet.
- Bocharov, Victor. 2000. *Antropologiya vozrasta*. Saint Petersburg, Russia: Izd-vo S.-Peterburgskogo Universiteta.
- Chemeteva, Iuliia, and Marina Davydova. 2018. “Evmimizatsiia iuridicheskikh terminov v otnoshenii ‘tret'ego vozrasta’: Neobkhodimost' i predely.” *Logos et Praxis* 17(2):83–92. doi:10.15688/lp.jvolsu.2018.2.8.
- Curzi, Rolando. [2013] 2019. “Da zdravstvuiut stariki!” Pp. 245–249 in *Sila vozrasta: Uroki starosti dlia semei i molodezhi*, ed. by Gino Battaglia. Saint Petersburg, Russia: Aleteiia.
- “Destruktivnaia plastichnost': Katrin Malabu o momental'nom starenii.” N.d. *Teorii i praktiki*. Accessed May 2, 2020. <https://special.theoryandpractice.ru/malabu-instantaneous-ageing>.
- Estes, Carroll L. 1979. *The Aging Enterprise*. San Francisco: Jossey Bass.
- Estes, Carroll L. 2001. *Social Policy and Aging: A Critical Perspective*. London: Sage Publications.
- Frolkis, Vladimir. 1988. *Starenie i uvelichenie prodolzhitel'nosti zhizni*. Leningrad: Nauka.
- Glukhanyuk, Natalia, and Tamara Gershkovich. 2003. *Pozdnii vozrast i strategii ego osvoeniia*. Moscow: Moskovskii psichologo-sotsial'nyi institut.
- Kosova, Larisa. 2015. “Tretii vozrast: Sotsial'noe samochuvstvie.” *Demoskop Weekly* no. 667–668, December 14–31. <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/demoscope667.pdf>.
- Kuhn, Manford H., and Thomas S. McPartland. 1954. “An Empirical Investigation of Self-Attitudes.” *American Sociological Review* 19(1):68–76.

- Kuznetsov, Andrei, and Olga Sergeeva. 2014. "Novye' tekhnologii i 'starye' liudi: Issledovanie opyta pol'zovaniia komp'uterom u predstavitelei tret'ego vozrasta." *Sotsiologiya vlasti* 3:99–125.
- Laslett, Peter. 1994. "The Third Age, the Fourth Age and the Future." *Ageing & Society* 14(3):436–447.
- Laslett, Peter. 1995. "The Third Age and the Disappearance of Old Age." Pp. 9–16 in *Preparation for Aging*, ed. by Eino Heikkinen, Jorma Kuusinen, and Isto Ruoppila. Boston: Springer US.
- Molevich, Evgenii. 2001. "K analizu sushchnosti i formy sotsial'noi starosti." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 4:61–64.
- Morrow-Howell, Nancy, James Hinterlong, and Michael W. Sherraden, eds. 2001. *Productive Aging: Concepts and Challenges*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Neugarten, Bernice L., Joan W. Moore, and John C. Lowe. 1965. "Age Norms, Age Constraints, and Adult Socialization." *American Journal of Sociology* 70(2):710–717.
- Neugarten, Bernice L., and Dail Ann Neugarten. 1996. *The Meanings of Age: Selected Papers of Bernice L. Neugarten*. Chicago: University of Chicago Press.
- Parfenova, Oksana. 2016. "Pozitsionirovanie pozhilykh grazhdan kak uiazvimoi gruppy v sovremennoi Rossii: Ofitsial'nyi i obshchestvennyi diskursy." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* 12(1):179–187. doi:10.21638/11701/spbu12.2016.108.
- Pisarev, Aleksandr. 2005. *Demograficheskoe starenie: Zhiznediatel'nost' pozhilogo naseleniia*. Moscow: CSP.
- Poltavskaya, Mariya. 2018. "Sotsial'naia aktivnost' grazhdan 'tret'ego vozrasta': Gendernyi aspekt (na primere g. Volgograda)." *Logos et Praxis* 17(2):48–64. doi:10.15688/lp.jvolsu.2018.2.5.
- Rogozin, Dmitrii. 2016. "Liberalizatsiia starenii, ili trud, znaniia i zdorov'e v starshem vozraste." Pp. 8–41 in *Starikam tut mesto: Sotsial'noe osmyslenie starenii*, ed. by Dmitrii Rogozin and Anna Ipatova. Moscow: Institut Sotsiologii RAN.
- Shmerlina, Irina. 2014. "Osobennosti vozrastnoi samoidentifikatsii v starshem vozraste." *Sotsiologicheskii zhurnal* 1:72–86.
- Shmerlina, Irina. 2016. "Liberalizatsiia starenii: Teoreticheskie illiuzii i empiricheskie 'anomalii.'" Pp. 50–78 in *Starikam tut mesto: Sotsial'noe osmyslenie starenii*, ed. by Dmitrii Rogozin and Anna Ipatova. Moscow: Institut Sotsiologii RAN.
- Smolkin, Anton. 2010. "Bednost' i sotsial'nyi status pozhilykh liudei v sovremennoi Rossii." *Monitoring obshchestvennogo mneniia* 3(97):179–192.
- Smolkin, Anton. 2014. "Uvazhenie k starosti: Sotsiologicheskaia kontseptualizatsiia." *Sotsiologiya vlasti* 3:31–46.
- Stuart-Hamilton, Ian. [2006] 2010. *Psikhologiya starenii*. Saint Petersburg, Russia: Piter.
- Tornstam, Lars. 2005. *Gerotranscendence: A Developmental Theory of Positive Aging*. New York: Springer Publications.
- Victor, Christina R. 1987. *Old Age in Modern Society: A Textbook of Social Gerontology*. London: Croom Helm.
- Vincent, John. 2003. *Old Age*. London: Routledge.
- Volkova, Tat'iana. 2005. "Sotsial'nye i psikhologicheskie problemy starosti." *Voprosy psikhologii* 2:118–126.
- Zelikova, Julia. 2014. *Stareishchaia Evropa: Demografiia, politika, sotsiologiya*. Saint Petersburg, Russia: Norma.